

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-218-227>

EDN: <https://elibrary.ru/bxfjzm>

НИОН: 2003-0059-5/25-401

MOSURED: 77/27-003-2025-05-600

Проблема рисков деструктивного поведения старших школьников

Георгий Меджидович Гогиберидзе¹, Артур Александрович Реан²

^{1,2} Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

¹ giya28@mail.ru

² profrean@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема рисков деструктивного поведения старшеклассников с учетом особенностей подготовки к ЕГЭ, изменения и усложнения содержания учебного материала, повышения уровня требований, а также ситуативных факторов, оказывающих негативное влияние на юных граждан России. Исследование специфики влияния новой социальной реальности на старших школьников, анализ научных работ и обобщение педагогического опыта по данной проблеме позволили сделать вывод о том, что факторы риска, связанные со взаимоотношениями, складываются на трех разных уровнях (микро-, мезо-, макро-), каждый из которых имеет свои характерные черты и последствия. При этом некоторые риски и угрозы (доксинг, дропперство и др.) носят сквозной, разноуровневый характер. Кроме того, доказано, что интегральный показатель риска деструктивного поведения и степень жизнестойкости находятся в обратно пропорциональной зависимости. Воспитание жизнестойкости — одно из важнейших условий формирования иммунитета, защищающего школьников от потенциального риска оказаться жертвой мошенников и манипуляторов. Такой иммунитет проявляется в способности личности сохранять устойчивость в среде с психотравмирующими воздействиями.

Ключевые слова: деструктивное поведение старшеклассников, психологический прессинг, микро-, мезо- и макроуровни ситуативных факторов риска, жизнестойкость

Для цитирования: Гогиберидзе Г. М., Реан А. А. Проблема рисков деструктивного поведения старших школьников // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 218–227. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-218-227>. EDN: BXFJZM.

Original article

The problem of the risks of destructive behavior of high school students

Georgy M. Gogiberidze¹, Artur A. Rean²

^{1,2} Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russia

¹ giya28@mail.ru

² profrean@yandex.ru

Abstract. The problem of risks of destructive behavior of high school students is considered, taking into account the peculiarities of preparation for the exam, changes and complication of the content of educational material, an increase in the level of requirements, as well as situational factors that have a negative impact on young citizens of Russia. The study of the specifics of the impact of the new social reality on older students, the analysis of scientific works and the generalization of pedagogical experience on this problem made it possible to conclude that the risk factors associated with relationships are added at three different levels (micro-, meso-, macro-), each of which has its own characteristic features and consequences. At the same time, some risks and threats (doxing, droppery, etc.) are cross-cutting, multi-level in nature. In addition, it has been proven that the integral risk indicator of destructive behavior and the degree of resilience are inversely proportional. The upbringing of resilience is one of the most important conditions for the formation of immunity, which protects schoolchildren from the potential risk of being a victim of fraudsters and manipulators. Such immunity is manifested in the ability of the individual to maintain stability in an environment with traumatic effects.

Keywords: destructive behavior of high school students, psychological pressure, micro-, meso- and macro-levels of situational risk factors, resilience

For citation: Gogiberidze G. M., Rean A. A. The problem of the risks of destructive behavior of high school students. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):218–227. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-218-227>. EDN: BXFJZM.

Отечественная система образования как форма общественной практики опирается на многовековую педагогическую традицию, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность духовных и культурных ценностей, связанных с воспитанием и обучением подрастающего поколения. Эта система нацелена, в том числе, на раскрытие внутреннего потенциала обучающихся, на обретение субъектности в

© Гогиберидзе Г. М., Реан А. А., 2025

общественной жизни и в собственной судьбе. С этой точки зрения образовательный процесс ориентирован на формирование качеств «обеспечивающих не только адаптивность, эмоциональную стабильность и позитивное отношение к себе и собственной жизни, но и способность принимать решения, совершать выбор, созидать и действовать» [1, с. 4]. Именно такой уровень и вектор развития старшего школьника предполагает подготовка к ЕГЭ, который с 2009 г. по настоящее время является единственной формой выпускных экзаменов в школе, а его результаты служат основным критерием при поступлении в вузы России.

Споры о ЕГЭ как в педагогическом сообществе, так и в родительской среде не утихают на протяжении всего периода его существования. С одной стороны, единый экзамен имеет целый ряд серьезных преимуществ. Это и возможность, появившаяся у выпускников школ, подавать документы сразу в несколько вузов, и открывшиеся перспективы для одаренной молодежи из самых отдаленных уголков страны поступать в престижные столичные университеты и многое другое. С другой стороны, наряду с отдельными недостатками, такими как необоснованность некоторых заданий, несогласованность содержания экзаменационных материалов с действующей школьной программой, размытость критериев оценивания второй части экзамена, ЕГЭ еще и представляет собой дополнительный фактор риска деструктивного поведения старших школьников. Не секрет, что каждый год страну сотрясают новости о драматических, а порой и трагических случаях, связанных с их стрессовым состоянием. Об этом также свидетельствуют результаты социологических опросов. По данным исследований, проведенных специалистами сервиса онлайн-образования Skysmart в 2023–2024 учебном году, 57 % одиннадцатиклассников испытывают сильный стресс из-за предстоящего ЕГЭ. Еще большее количество опрошенных десятиклассников (63 %) признались в том, что они подвержены хроническому стрессу. Свыше четверти старших школьников (26 %) вынуждены проводить по 5–6 часов на дополнительных занятиях еженедельно, что крайне негативно отражается не только на физическом, но и на психологическом здоровье [2].

В настоящее время распространенность различных проявлений деструктивных поведенческих нарушений среди старших школьников приобретает

все более угрожающие масштабы. Академик РАО А. А. Реан в своем докладе на научном семинаре «Деструктивное поведение несовершеннолетних: проблемы и технологии работы», который состоялся в декабре 2023 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, подчеркнул, что «проблема агрессии в современном образовании характерна в большей степени для школьного образования» [3]. Докладчик представил результаты многолетних исследований, которые свидетельствуют о весьма существенной связи рисков деструктивного поведения со школьным климатом и его компонентами. Кроме того, как указывает М. Н. Кузнецова, в перечень деструктивного поведения входят конфликты с применением физической силы, употребление психоактивных веществ, случаи травли и насилия, попытки суицида, нахождение подростка в запрещенных деструктивных субкультурах и интернет-сообществах [1, с. 6].

Психологический прессинг, в котором вольно или невольно участвуют некоторые педагоги, родители, репетиторы, СМИ, интернет-сайты и отдельные форумы в блогосфере, крайне негативно влияет на познавательные и коммуникативные способности старшеклассников. Это вызывает тревожные эмоциональные переживания и, как следствие, возрастают риски деструктивного поведения. Так, по данным Ж. В. Садовниковой, «79,5 % опрошенных учителей указали на ослабление эмоционального контакта обучающихся с одноклассниками; 77,2 % педагогов отметили проявление у старших школьников агрессии; 74,4 % школьных предметников усмотрели в поведении старшеклассников признаки отчужденности и указали на снижение коммуникативных навыков» [4, с. 4]. Эффект усиливает медиасреда, где сцены агрессии, насилия, убийств и разрушений идут сплошным потоком. Все это становится обыденностью, которую впитывают юные россияне.

При этом следует учитывать, что обучение в 10–11-х классах связано со внушительным усложнением и изменением содержания и структуры учебного материала, увеличением его объема, повышением уровня требований. Все это происходит на фоне усиливающегося стремления к индивидуализации способностей и интересов, свойственного раннему юношеству. Возникающие сомнения в собственной уникальности и осознание своих слабых сторон нередко сопровождается всплеском негативных эмоций, кото-

рый, в свою очередь, усиливает риски деструктивного поведения. Экспрессия проявляется ярко, порой чрезмерно, а способность управлять ею в этом возрасте еще только формируется. Отсюда резкие перепады настроения, обостренная чувствительность к внешним оценкам и критике, проявления неконтролируемой агрессии. В состоянии стресса манипулирование сознанием старшеклассников в различных целях — от мошеннических для обогащения, до экстремистских и террористических — представляет собой реалии нашего времени. Очевидно, что враждебные силы «используют отсутствие жизненного опыта, критического мышления, инфантилизм обучающихся для формирования неестественного состояния их психической зависимости, потери самостоятельности, недоверия к рациональному мышлению» [5, с. 245]. Так, например, «троих подростков 15, 16 и 17 лет отправили под арест по обвинению в покушении на теракт... По версии следствия, в августе 2025 г. некий куратор дал молодым людям задание совершить террористический акт на объекте оборонно-промышленного комплекса в Ижевске. Оперативная информация о намерениях юношей поступила в УФСБ по Удмуртии и благодаря «оперативному эксперименту» преступление было предотвращено» [6]. В том же месяце (август 2025 г.) в Новосибирской области двое старшеклассников «получили «заказ» на одном из интернет-ресурсов по поиску быстрого заработка. В дальнейшем их деятельность координировалась с территории Украины. Злоумышленники намеревались применить токсичные химические вещества с целью физического устранения российского офицера» [7]. Эти и многие другие аналогичные факты красноречиво свидетельствуют о том, что в настоящее время одной из важнейших угроз является психологическая война, которая предполагает перенос боевых действий с физического ландшафта в психологическую плоскость. При этом социально-демографическую группу раннего юношеского возраста, которую в основном составляют старшеклассники и их ровесники — студенты колледжей, различного рода эмигранты рассматривают как свой целевой ресурс. «Служба безопасности Украины, — заявил первый заместитель руководителя администрации Президента РФ С. В. Кириенко, — выбрала для себя российских старшеклассников в качестве мишени, они пытаются их спровоцировать на противоправные действия» [8].

Академик РАО И. А. Баева с коллегами выделяет три группы факторов риска в образовательной среде: условия обучения, учебная нагрузка, взаимоотношения. При этом ученые отмечают, что именно взаимоотношения являются самым исследуемым фактором как со стороны психологов, так и со стороны педагогов [9]. Существуют и другие подходы и типологии рисков образовательной среды. Анализ отечественных и зарубежных научных работ и обобщение накопленного педагогического опыта по данной проблеме позволяет нам сделать вывод о том, что ситуативные факторы риска, связанные со взаимоотношениями, как правило, складываются на трех разных уровнях (микро, мезо, макро), каждый из которых имеет характерные причины возникновения, свою специфику проявления и свойственные только конкретному уровню последствия. Рассмотрим каждый из них.

Микроуровень включает в себя взаимоотношения между субъектами образовательного процесса. Риски деструктивного поведения несовершеннолетних на этом уровне, лежащие в плоскости отношений между ними, а также отношений с учителями и родителями, тесно связаны с эмоциональным благополучием и уровнем жизнестойкости. В процессе выстраивания лично и социально значимых взаимосвязей старшеклассники могут использовать опыт ближайшего микросоциального окружения. Известный американский психолог, автор теории экзистенциального выбора, С. Мадди описал способы взаимодействия педагогов и родителей с обучающимися, которые нацелены на формирование и развитие жизнестойкости несовершеннолетних. Результаты опытно-экспериментальных исследований, проведенных ученым и его коллегами в Калифорнийском университете, показали, что жизнестойкость по сравнению с такими интегральными личностными характеристиками, как оптимизм, эрудиция, религиозность, является более продуктивным предиктором психологического здоровья формирующейся личности [10]. Однако, в реальной жизни некоторые педагоги и родители российских старшеклассников подпитывают гнетущие представления о ЕГЭ, руководствуясь прагматичными (с их точки зрения) соображениями о том, что сумма полученных баллов подводит черту всей школьной жизни и определяет будущее экзаменуемого. Исходя из этой логики, не сдать экзамен или набрать недостаточное количество баллов — значит испортить себе

всю дальнейшую жизнь. Подобные установки оказывают на еще неокрепшую юношескую психику крайне негативное давление, подтачивая основы жизнестойкости. Нередко возникает парадоксальная ситуация, когда именно семья и школа выступают в роли предикторов деструктивного поведения. В этих условиях обучающимся «приходится самостоятельно искать новые, свои собственные, способы действия в конфликтной ситуации, которые могут как содействовать успешной адаптации, так и оказаться деструктивными с грубым нарушением общественных норм и правил, проявлением агрессии и самоагрессии» [1, с. 4]. Так, например, судя по результатам исследований, проведенных Н. Ф. Масловой, заниженная самооценка педагогов связана с отрицательной установкой относительно школьников, с внушением им чувства вины за ошибки, за непонимание учебного материала, за неверные ответы на вопросы и пр. [11]. При этом ключевой доминантой эмоционального насилия со стороны педагога следует рассматривать феномен ингибции, который проявляется «в резких замечаниях, приказном тоне, нетактичных высказываниях в адрес одних учеников и неаргументированном восхвалении других, единоличном определении общих целей работы без учета индивидуально-психологических особенностей учащихся» [12]. Все это описывается таким понятием, как дидактогения, за которым стоит причинение вреда нервно психическому здоровью школьников непрофессиональными действиями педагога. Что касается различных рисков и угроз со стороны родителей (родственников, опекунов) обучающихся, то они касаются как психоэмоционального, так и физического насилия. Как следствие это приводит к нанесению реального или потенциального вреда личностному развитию старшего школьника.

Мезоуровень предполагает взаимодействие старших школьников с учреждениями дополнительного образования, а также с волонтерскими организациями, фан-клубами музыкальных групп, объединениями болельщиков за спортивные команды, книжными клубами, танцевальными и театральными студиями местного значения. Кроме того, сюда входит участие юных граждан в локальных сетевых сообществах. Как правило, такие социально-демографические группы объединены общими интересами, целями, ценностями или характеристиками, которые определяют взаимодействие их участников. Чаще всего старшеклассники активно включаются в поиск приятелей

и/или партнеров по увлечениям в том случае, если традиционные способы социализации и самореализации дают сбои. Риски и угрозы на этом уровне представляют собой определенные соцсети, фан-клубы, движения и секты, а также отдельные кибермошенники, которые под маской благородных идей стараются войти в доверие к юным гражданам, чтобы использовать их в своих корыстных, а порой и экстремистских целях. Втягивание старшеклассников в деструктивные сообщества стало возможным, в частности, и по той причине, что воспитательная работа и вовлечение обучающихся в социально приемлемые формы досуга в значительной мере были упущены из сферы актуального внимания. «Следует признать, что представления и запросы российских школьников несовместимы с устаревшими, изжившими себя формами учебно-воспитательной работы. Современное образовательное пространство нуждается в очищении от авторитарных методов воспитания, формализма, рутины, заорганизованности, ура-патриотических лозунгов и деклараций» [13, с. 369].

Проблема рисков поведенческих девиаций школьников на микроуровне не ограничивается отдельными проявлениями педагогического или родительского деструктивного влияния. Угроза травли, издевательства, буллинга, запугивания со стороны одноклассников сохраняет свою актуальность среди старшеклассников, хотя такие формы агрессии в большей степени характерны для отношений между обучающимися средних классов. Но в 10–11-х классах из-за перехода на профильное обучение меняется состав обучающихся, и процесс адаптации к новому микросообществу, новым учителям и классному руководителю происходит в разных психолого-педагогических условиях. Стремление к доминированию, конкуренция и деструктивное соперничество нередко приводят к тому, что некоторые обучающиеся, пытаясь продемонстрировать свои успехи и достижения, а порой и свое превосходство над другими, начинают делить одноклассников на «друзей» и «врагов». Поиск жертвы, системное и осознанное агрессивное преследование в этих случаях становятся поводом для объединения старших школьников в деструктивные подгруппы. Кроме того, необходимо учитывать, что современные школьники развиваются в атмосфере сравнения, которая связана с наличием/отсутствием дорогих гаджетов и одежды люксовых брендов, представленных на страницах инфлюэнсеров в социальных

сетях. В таких условиях часть обучающихся, семьи которых ограничены в материальных ресурсах, ищут иные способы самоутверждения: через провокации, демонстративное нарушение общепринятых норм и правил, а порой и через преступления.

Однако самые жестокие формы агрессии старших школьников, как правило, являются ответной реакцией на накопившиеся за достаточно длительный период обучения обиды и унижения в результате травли, остракизма, запугивания и дискриминации. Так, например, на заре XXI в. появился и стал интенсивно распространяться склуштинг — массовый расстрел педагогов и учеников в стенах школы как форма протеста против ненавистного общества в лице ближайшего окружения. В 1999 г. впервые в истории криминалистики американские старшеклассники Эрик Харрис и Дилан Клиболд открыли хаотичную стрельбу в здании старшей школы Колумбайн, в результате чего 13 человек погибли на месте и 23 были ранены. После этого несовершеннолетние преступники покончили с собой. Инцидент получил международный резонанс, а у Харриса и Клиболда появилось такое количество подражателей и последователей по всему миру, что феномен «колумбайн» превратился в международное террористическое движение, которое в настоящее время запрещено на территории Российской Федерации. Только в нашей стране аналогичные преступления были совершены в Москве, Ивантеевке, Керчи, Казани, Перми, Ижевске и на сегодняшний день, несмотря на запреты, нет гарантии, что такое не повторится. Стоит подчеркнуть, что «колумбайн» приобрел черты глобальной молодежной субкультуры, но в ее основе по-прежнему лежат отношения между участниками образовательной среды, т. е. ситуативные факторы риска микроуровневого характера. «Оценка и систематический анализ лучших практик противодействия девиантному и делинквентному поведению является научно-практической задачей, требующей постоянной актуализации в контексте изменений социальной ситуации развития современных подростков и молодежи, связанных, во многом, с высоким уровнем цифровизации и легкостью доступа к различным видам информации» [14].

Сложность нынешнего этапа воспитательной работы заключается в том, что поколение, к которому принадлежат современные старшеклассники, по меткому выражению известного канадского ученого Д. Тапскотта, «с самого рождения купается в битых, и

для него новые электронные медиа стали естественным социальным ландшафтом» [15, с. 30]. Лица с деструктивной направленностью, действующие в сети Интернет в поисках очередной жертвы, демонстрируют готовность понять и принять представителей юношеской возрастной группы, особенно тех, кто испытывает в данный момент психологический пресинг со стороны родителей, педагогов или одноклассников. Проявляя запредельный уровень «заботы», «понимания», «сочувствия» и «доброты», они представляют собой крайне опасную и непредсказуемую угрозу старшим школьникам. Создание иллюзорного идеального микромира, где все организовано в соответствии с интересами и запросами юношеской возрастной группы, нацелено на то, чтобы сформировать в сознании обучающихся искаженное представление о действительности, что, в свою очередь, может разрушить связи с реальным миром. Все это способствует отторжению от реальности, отказу от использования продуктивных социальных практик, ослаблению мотивации к самосовершенствованию. Такие «доброжелатели» пытаются заменить собой традиционные формы общения, что, согласно теории отчуждения, чревато социальной изоляцией, а в конечном итоге — потерей смысла жизни. Известный представитель русского экзистенциализма Н. А. Бердяев считал, что «отчуждение приводит к созданию «квазиреальности», в результате которой человек, обезличиваясь, социализируется в раба» [16].

Таким образом, в условиях новой социальной реальности значительно возрастает ответственность педагогов и родителей за психологическое благополучие старшеклассников, которое обеспечивается «совмещением концепций демократического стиля, включающего наличие «обратной связи» и «эффективного поощрения», что можно назвать основой позитивного педагогического общения» [17, с. 195]. На практике это выражается «в более внимательном и бережном отношении к личности ученика, а также в снижении груза ответственности за допущенные ошибки» [14, с. 370], что является одним из важнейших условий формирования иммунитета, защищающего школьников от потенциального риска оказаться жертвой мошенников и манипуляторов. Такого рода иммунитет проявляется в способности личности сохранять устойчивость в среде с психотравмирующими воздействиями и сопротивляться деструктивным внешним воздействиям.

Макроуровень ситуативных факторов риска деструктивного поведения старших школьников затрагивает глобальные геополитические конфликты, ключевую роль в которых играют враждебные спецслужбы, международные организации экстремистского толка и псевдорелигиозные организации. Кроме того, значительную роль в формировании новых рисков и угроз играет высокая уровень мобильности населения и нарастающие миграционные потоки. Все эти процессы межрегионального и международного масштаба втягивают в орбиту противостояния, прежде всего, подростков и молодежь. Стоит подчеркнуть, что актуальность проблемы минимизации негативных последствий макроуровневых рисков деструктивного поведения юных граждан и обеспечения психологической безопасности обучающихся в последнее десятилетие постоянно возрастает. Анализ публикаций в наукометрических базах данных высвечивает отчетливую тенденцию увеличения количества исследований по психологической безопасности образовательной среды в последние пять лет. Востребованность данных исследований обусловлена «новыми социальными вызовами и задачами, к числу которых можно отнести: изменения условий развития молодых людей и недостаток актуальных знаний о том, как эти изменения влияют на них; новые условия организации жизнедеятельности молодежи в условиях проведения специальной военной операции; особенности интеграции в образовательную среду мигрантов и вынужденных переселенцев; специфику социальной, социально-психологической, психологической адаптации старших школьников на новых, присоединившихся к России территориях; усиление рисков, связанных с социально-психологической дезадаптацией обучающихся, их виктимизацией» и др. [18].

Наибольшую опасность на этом уровне представляют собой новые мировоззренческие установки, формируемые, в том числе, недружественно настроенными по отношению к России идеологами и миссионерами, которые пытаются девальвировать традиционные духовно-нравственные ценности народов России. Юным гражданам настойчиво навязывается чуждая культура, у которой нет субъекта, за которую никто не несет ответственности, и потому она может быть какой угодно: порочной, бездуховной, разрушительной и пр. Такая культура находится за гранью добра и зла, она формирует примитивные

формализованные реакции на различные проблемные ситуации и не оставляет выбора действий, целей и средств, которые соответствовали бы хоть какой-либо позиции моральной шкалы ценностей. Именно с помощью манипуляции сознанием, утраты традиционных ценностей, отрыва от исторических корней наиболее доверчивые старшеклассники и студенты колледжей могут встать на путь экстремизма и терроризма. Риски деструктивного поведения именно этой социально-демографической группы все чаще приобретают опасные черты:

- ◆ обучающиеся попадают под влияние международных структур экстремистского характера;
- ◆ вербовщики подростков и молодежи опираются на обширную финансовую базу;
- ◆ в целях пропаганды используются новейшие цифровые и психологические технологии, нацеленные на юных граждан;
- ◆ масштаб деятельности деструктивных организаций размывает государственные границы.

Таким образом, современный этап развития информационно-цифровых технологий характеризуется неограниченной доступностью деструктивного контента, где достаточно вольготно чувствуют себя различного рода эмиссары международных центров, а также миссионеры псевдорелигиозных организаций и провокаторы, которые через интернет-сайты и форумы в блогосфере, соответствующие интересам юных граждан, привлекают их в свои ряды. Используя новейшие информационные и психологические технологии, опытные манипуляторы навязывают своим реципиентам контрпродуктивные цели и ценности. При определенных жизненных условиях и наличии питательной среды (разрыв семейных связей, неудачи в поиске самоидентичности, дезадаптация в школьной среде, мировоззренческая неустойчивость, религиозный фанатизм, отсутствие критического мышления) отдельные представители раннего юношества могут быть введены в состояние аддикции и использованы в качестве пускового механизма деструктивной активности.

Следует признать, что не все риски, связанные с ситуативными факторами взаимоотношений старших школьников с внешним миром, четко разграничены по трем предложенным уровням. Существуют также угрозы разноуровневого характера, которые в последние годы стали довольно интенсивно распространяться в юношеской среде. К ним можно

причислить такие относительно новые явления, как, например, доксинг и дропперство.

Доксинг представляет собой незаконный сбор и распространение личных данных в целях шантажа. В настоящее время это киберугроза, с которой ежедневно сталкиваются тысячи интернет-пользователей. Как показывает практика, доксингу чаще других подвергаются старшеклассники и их ровесники, которых шантажируют как представители из ближайшего окружения, так и специализированные каналы в мессенджерах и социальных сетях. В результате зафиксированы многочисленные случаи психологического давления и прямого мошенничества. Заполучив личные данные, либо видео- или фотоматериалы интимного характера с помощью утечек или самих жертв (когда у обучающихся выуживают информацию личного характера или уговаривают прислать фото либо включить веб-камеру), шантажисты не только вымогают деньги, но и склоняют к противоправным действиям, например, к участию в порносъёмках. Однако особую опасность практика доксинга представляет в ситуации, когда «инициаторами или координаторами становятся недобросовестные официальные структуры или аффилированные с ними организации. В этом случае масштабы и последствия могут быть намного более серьезными: от целенаправленных информационных атак на критически важные объекты инфраструктуры до дестабилизации социально-политической обстановки» [19].

Дропперство. Вовлечение старших школьников в незаконную деятельность по обналаживанию похищенных денежных средств приобретает угрожающие масштабы. По сведениям Центрального банка Российской Федерации, «ежемесячно дропперами становятся около 80 тыс. человек. В Сбербанке выяснили, что около 60 % всех дропперов на сегодня — это молодежь в возрасте от 14 до 24 лет; т. е. каждый месяц почти 50 тыс. юношей и девушек, многие из которых еще учатся в школе, могут оказаться в тюрьме из-за участия в незаконных финансовых операциях» [20].

При этом следует понимать, что юные жертвы не осознают последствий продажи своей карты через Интернет или, например, выполнения, на первый взгляд, невинной просьбы приятеля помочь снять деньги с карты. На Уральском форуме «Кибербезопасность в финансах», состоявшемся в феврале 2025 г. в Екатеринбурге, обсуждались меры борьбы с незаконными финансовыми схемами. Докладчик, пред-

ставитель правоохранительных органов, привел такой пример: «в одном из колледжей, где были задержаны два юных дроппера, студентов спросили: «Кто из вас продавал свои карты третьим лицам»? Руки подняла вся группа. Это крайне негативный факт, к сожалению, почти закономерный. Сейчас подросток с банковской картой, не привязанной к родительскому счету, похож на дитя, играющее с огнем. У него в руках опасный инструмент, и как управлять им, не имеющий опыта и элементарной грамотности подросток не знает [20]. В настоящее время при оформлении кредитных карт российские банки не дифференцируют клиентов по возрастным группам, поэтому любой старшеклассник, обладая паспортом (как известно, первый внутренний паспорт граждане России получают в 14 лет), может рассчитывать на те же лимиты, что и взрослый клиент. Так, например, по некоторым типам кредитных карт можно снять наличные до 500 тыс. руб. в день и до 1,5 млн руб. в месяц. С точки зрения мошенников, школьник, обладающий такой картой, является идеальным дроппером. Сложность заключается еще и в том, что порой родители обучающихся, не обладая достаточной финансовой грамотностью и не подозревая подвоха, поддаются на различные уловки злоумышленников и с радостью «благословляют» своих детей на дропперство. Ведь «работодатели», вербующие юных россиян, как правило, открыто не предлагают им войти в состав преступной группировки и заниматься противоправной деятельностью. Напротив, они чаще всего обещают высокие доходы и делают завуалированные, но весьма заманчивые предложения в своих объявлениях, например: «для студентов и старшеклассников открылась вакансия на удаленную работу в крупной финансовой организации с отличными карьерными перспективами» и т. п.

Масштаб разрастания дропперства убедительно свидетельствует о том, что назрела острая необходимость в разработке системы профилактических и ограничительных мер по борьбе с этим злом. Следует признать, что с июля этого года в УК РФ вступили в силу изменения, согласно которым предусматривается уголовная ответственность для лиц, предоставляющих свои банковские карты и реквизиты в целях осуществления незаконных финансовых операций. Однако, не менее значимой задачей является повышение качества финансового просвещения старшеклассников. Постигание азов финансовой грамот-

ности в профильных классах с углубленным изучением экономики и права на факультативных занятиях и курсах по выбору — явно недостаточная мера.

Таким образом, в структуру риска деструктивного поведения старших школьников включены ситуативные факторы, связанные с взаимоотношениями, которые могут складываться на разных уровнях (микро, мезо и макро): от особенностей общения с родителями, закладывающих основу формирования отношения к миру и к самому себе, до контактов с макросоциальным окружением с учетом возможностей всемирной паутины. При этом последние в условиях формирования многополярного мира, социально-политических трансформаций и обострения международным конфликтов представляют собой серьезную угрозу для молодого поколения, которое, согласно «Концепции культурной травмы» (П. Штомпка), «находится в континууме двух типов: либо использование стратегий совладания с трудностями, либо стратегии примирения с ними» [21, с. 42]. С учетом того, что угроза распространения ситуативных факторов, оказывающих крайне негативное влияние на поведение старшеклассников, носит многоуровневый характер, особую актуальность приобретает такое направление воспитательной работы, как формирование навыков жизнестойкости и ее основных компонентов: адаптивности, эмоциональной стабильности, асертивности, конструктивной саморегуляции. Интегральный показатель риска деструктивного поведения и степень жизнестойкости со всеми ее составляющими имеют обратно пропорциональную зависимость. Отсюда можно сделать вывод о том, что достаточный уровень жизнестойкости именно в старшем школьном возрасте является одним из важнейших условий снижения данного риска. При этом проблема деструктивного поведения становится мультидисциплинарной, так как все более отчетливо прорисовывается необходимость комплексного подхода к профилактической деятельности, который учитывал бы генетические, психолого-педагогические, этнорелигиозные, социокультурные и социально-экономические детерминанты агрессивного поведения обучающихся.

Список источников

1. Кузнецова М. Н. Типы и предикторы деструктивного поведения личности: дисс. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2023.
2. Слово на три буквы: как перегибы на ЕГЭ рушат психику школьников // URL: <https://novosti Volgograda.ru/news/2024-06-10slovo-na-tri-bukvy>
3. Деструктивное поведение несовершеннолетних обсудили на научном семинаре // URL: <https://psy.su/pubs/11834/?ysclid=mdk7y5bmre757241545>
4. Садовникова Ж. В. Теоретические основы системы работы школы по профилактике деструктивного поведения подростков: дисс. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2025.
5. Гогиберидзе Г. М. Профилактика вовлечения подростков в деструктивные секты // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. Вып. 2. С. 240–247.
6. Обещали немного денег // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007667?ysclid=mf3pw9cm1x773583351>
7. В Новосибирске задержаны двое подростков, готовивших покушение на военнослужащего // URL: <https://www.5-tv.ru/news/5032678/vnovosibirsk-zaderzany-dvoe-podrostkov-gotovivshih-pokusenie-na-voennosluzhashego?ysclid=me5o2og6m165890654>
8. Кириенко заявил, что старшеклассники стали мишенью для СБУ // URL: <https://woman.rambler.ru/children/51286522-kirienko-zayavil-chto-starsheklassniki-stali-mishenyu-dlya->
9. Баева И. А., Лактионова Е. Б., Конакова И. В. и др. Ресурсы психологической безопасности студентов в напряженной социокультурной среде: обзор теоретических и эмпирических исследований // Психолого-педагогические исследования. 2024. № 2. Т. 16. С. 3–29.
10. Мадди С. Словообразование в процессе принятия решений / пер. с англ. Е. Н. Осина // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 87–101.
11. Маслова Н. Ф. Личностно ориентированная модель интегративной подготовки социальных педагогов // Образовательные технологии. 2017. № 4. С. 71–82.
12. Печеркина А. А., Борисов Г. И., Тарасов Д. А. Структура эмоционального благополучия школьников // Российский психологический журнал. 2025. № 22 (1). С. 118–138.
13. Реан А. А., Коновалов И. А., Новикова М. А., Молчанова Д. В. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта. СПб. : Коста, 2021.
14. Гогиберидзе Г. М. Модернизация патриотического воспитания в современной школе на основе

принципов позитивной психологии // Психология человека в образовании. 2023. № 3. Т. 5. С. 366–375.

15. Тапскотт Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все / пер. с англ. П. Миронова. М. : Сбербанк, 2011.

16. Пахарь Л. И., Петрова Р. А. Отчуждение: теоретическое осмысление проблемы // Философская мысль. 2021. № 8. С. 78–88.

17. Реан А. А., Ставцев А. А., Егорова А. В. Позитивная психология как инструмент модернизации процесса социализации школьников // Сибирский психологический журнал. 2021. № 82. С. 191–207.

18. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. № 3. Т. 1. С. 5–19.

19. В МВД рассказали, что такое доксинг и чем он опасен // URL: <https://ria.ru/20250906/doksing-2040185800.html?ysclid=mf8ydrfv26476254>

20. Вгоняют молодежь во друп: почему подростки — идеальные посредники для кибермошенников // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/531765vgonautomolodez-vo-drop-pocemu-podrostki-ideal-nye-posredniki-dla-kibermosennikov?ysclid=mff1v9mm6c120328122>

21. Гогиберидзе Г. М., Скрынник М. А. Патриотизм как целевой ориентир взаимодействия социальных институтов образования и культуры: аксиологический аспект // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 33–46.

References

1. Kuznetsova M. N. Types and Predictors of Destructive Personality Behavior: diss. ... candidate of psychological sciences. Chelyabinsk, 2023.

2. A Three-Letter Word: How Excesses on the Unified State Exam Destroy the Psyche of Schoolchildren // URL: <https://novostivolgograda.ru/news/2024-06-10slovo-na-tri-bukvy>

3. Destructive Behavior of Minors Discussed at a Scientific Seminar // URL: <https://psy.su/pubs/11834/?ysclid=mdk7y5bmre757241545>

4. Sadovnikova Zh. V. Theoretical Foundations of the School System for the Prevention of Destructive Behavior in Adolescents: diss. ... doctor of pedagogical sciences. Volgograd, 2025.

5. Gogiberidze G. M. Prevention of adolescent involvement in destructive sects // Herzen Readings: Psychological Research in Education. 2019. Issue 2. P. 240–247.

6. They Promised a Little Money // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007667?ysclid=mf3pw9cm1x773583351>

7. Two Teenagers Preparing to Assassinate a Serviceman Detained in Novosibirsk // URL: <https://www.5-tv.ru/news/5032678/vnovosibirske-zaderzany-dvoe-podrostkov-gotovivsih-pokusenie-navoennosluzasego/?ysclid=me5o2og6m165890654>

8. Kiriienko Stated that High School Students Have Become a Target for the SBU // URL: <https://woman.rambler.ru/children/51286522-kiriienko-zayavilchto-starsheklassniki-stali-mishenyu-dlya->

9. Baeva I. A., Laktionova E. B., Konakova I. V. et al. Resources of psychological safety of students in a tense sociocultural environment: a review of theoretical and empirical research // Psychological and pedagogical studies. 2024. No. 2. Vol. 16. P. 3–29.

10. Maddi S. Meaning formation in the decision-making process / translated from English by E.N. Osina // Psychological Journal. 2005. No. 6. P. 87–101.

11. Maslova N. F. Personally oriented model of integrative training of social educators // Educational technologies. 2017. No. 4. P. 71–82.

12. Pecherkina A. A., Borisov G. I., Tarasov D. A. The structure of emotional well-being of schoolchildren // Russian Psychological Journal. 2025. No. 22 (1). P. 118–138.

13. Rean A. A., Konovalov I. A., Novikova M. A., Molchanova D. V. Prevention of Aggression and Destructive Behavior in Young People: An Analysis of World Experience. St. Petersburg : Costa, 2021.

14. Gogiberidze G. M. Modernization of Patriotic Education in Modern Schools Based on the Principles of Positive Psychology // Human Psychology in Education. 2023. No. 3. Vol. 5. P. 366–375.

15. Tapscott D. Wikinomics. How Mass Collaboration Changes Everything / translated from English by P. Mironova. М. : Сбербанк, 2011.

16. Pakhar L. I., Petrova R. A. Alienation: A Theoretical Understanding of the Problem // Philosophical Thought. 2021. No. 8. P. 78–88.

17. Rean A. A., Stavtsev A. A., Egorova A. V. Positive Psychology as a Tool for Modernizing the Process of Schoolchildren's Socialization // Siberian Psychological Journal. 2021. No. 82. P. 191–207.

18. Baeva I. A. Psychological Safety of the Educational Environment: Formation of a Direction and Development Prospects // Extreme Psychology and Personal Safety. 2024. No. 3. Vol. 1. P. 5–19.

19. The Ministry of Internal Affairs explained what doxing is and why it is dangerous // URL: https://ria.ru/20250906/doksing-2040185800.html?ysclid=mf8ydp_rvfv26476254

20. They drive young people into the drop: why teenagers are ideal intermediaries for cyber fraudsters // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/531765-vgonaut-molo->

[dez-vo-drop-pocemu-podrostki-ideal-nye-posredniki-dla-kibermosennikov?ysclid=mff1v9mm6c120328122](https://www.forbes.ru/tekhnologii/531765-vgonaut-molo-dez-vo-drop-pocemu-podrostki-ideal-nye-posredniki-dla-kibermosennikov?ysclid=mff1v9mm6c120328122)

21. Gogiberidze G. M., Skrynnik M. A. Patriotism as a target guideline for the interaction of social institutions of education and culture: axiological aspect // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series «Philosophical Sciences». 2022. No. 1 (41). P. 33–46.

Информация об авторах

Г. М. Гогиберидзе — главный научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, доктор педагогических наук, профессор;

А. А. Реан — заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, председатель научного совета Российской академии образования по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

Information about authors

G. M. Gogiberidze — Chief Scientific Officer of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

A. A. Rean — Head of the Laboratory for Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth of the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the Prevention of Aggression and Destructive Behavior in Students, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 05.10.2025. The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 05.10.2025.

<p>ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И ПЕРЕГОВОРОВ</p> <p>Учебное пособие Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки А. Г. Караяни, В. Л. Цветков</p> <p>Раскрыты теоретические основы психологии общения и переговорного процесса, а также психологически обоснованные пути и способы овладения сотрудниками правоохранительных органов умениями и навыками эффективного взаимодействия. Кроме того, представлены технологии и конкретные психотехники вербального и невербального общения в различных обстоятельствах, в том числе и ведения переговоров с преступниками, захвативших заложников. Предложены способы эффективного ведения переговоров, построения контактов с партнерами-манипуляторами, продуктивного разрешения конфликтных ситуаций. Показаны возможности социально-психологического тренинга (СПТ) в развитии коммуникативной компетентности специалиста-переговорщика.</p> <p>Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, сотрудников органов внутренних дел, а также всех, кто интересуется данной проблематикой.</p>	<p>Психология общения и переговоров</p> <p>А.Г. Караяни В.Л. Цветков</p>
--	---